

Андрей Столяров

ТЕМНЫЕ НЕБЕСА

Москва
«Снежный Ком»
2019

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
С81

Серия «**Настоящая фантастика**» основана в 2010 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Катерина Довжук*

Столяров, Андрей

С81 Темные небеса: роман / Андрей Столяров. — М. : Снежный Ком М, 2019. — 352 с. — (Настоящая фантастика).

ISBN 978-5-6042584-8-4

Они пришли спасти Землю. Они пришли помочь человечеству. У них самые благие намерения. Однако именно благими намерениями вымощена дорога в ад.

Встречайте новый роман мэтра отечественной фантастики Андрея Столярова!

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6042584-8-4

© Столяров А., 2019
© «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д. В.), 2019
© Оформление: Олин М., 2019

Часть I САМУМ

1

Это неумолимый круговорот, вырваться из которого невозможно. Утром мне звонит доктор Йонгер, он же по неофициальному именованию — доктор Менгеле, и своим взвизгивающим, как нож по стеклу, голосом напоминает, что послезавтра у меня — плановое обследование.

— Мы тут придумали кое-что новенькое, — хихикая, добавляет он. — Надеюсь, вам будет не скучно.

Доктор Йонгер нескрываяемо торжествует. Вероятно, пасть, которую он для меня изобрел, приводит его в восторг. С некоторым злорадством я извещаю его, что, к сожалению, послезавтра никак не могу, через час отбываю на внеочередную сессию ДЕКОНа, которая, как уже согласовано, на этот раз состоится не в Лондоне, и не в Нью-Йорке, и не в Куала-Лумпуре, а в Москве.

— Разве вас не уведомили об этом? — деланно удивляюсь я.

Доктор Йонгер тут же вскипает, чувствуя себя мелкой сошкой, и заявляет, что тогда он поставит меня в график на следующий понедельник, с утра, попрошу не опаздывать, иначе я буду вынужден подать на вас официальную жалобу в тот же ДЕКОН!..

Голос его срывается в ультразвук. Я отключаюсь, оставляя доктора Йонгера захлебываться негодованием в одиночестве. Хотя должен признаться, что настроение он мне портит изрядно. Ежемесячное медобследование, которое доктор Йонгер проводит как наблюдающий врач, занимает у меня практически целый день, и еще два дня после этого я чувствую себя совершенно разбитым. Причем дело здесь, конечно, не

в утомительной биохимии и томографии, не в анализах и различных замерах, которых просто не счесть, не во всякой затайливой, ультрасовременной аппаратуре, коей до потолка забит его кабинет, за эту часть обследования я совершенно спокоен. Выматываюсь я прежде всего от бесчисленных психологических тестов — их наш доктор Менгеле выдумывает с неистощимой фантазией. Трудность здесь в том, что суть каждого теста я «считываю» почти мгновенно, автоматически, в ноль секунд, чуть ли не раньше, чем мне успевают его предъявить, и приходится быть до предела внимательным, чтобы это не отразилось на соответствующих показателях.

Мы разыгрываем игру, похожую на войну. Доктор Йонгер пытается выявить у меня в психике какие-нибудь нечеловеческие характеристики, а я, в свою очередь, изображая интеллектуальный напряг, морща лоб, почесывая затылок, демонстрирую, что ничего особенного в моей психике нет: я думаю, чувствую, реагирую на уровне обычного человека, ну, может быть, чуть лучше, поскольку я все же — профессор, доктор наук. Нудная и утомительная игра. Я ужасно боюсь расслабиться и случайно выдать нечто такое, что насторожит не только его, но и весь наш ДЕКОН. Цена этой игры — свобода. Если я проиграю, то со скрипом повернется в запоре громадный ключ и моя клетка, и так-то довольно тесная, захлопнется навсегда. К счастью, пока все более-менее в норме, ничего криминального, анализы, в общем, укладываются в обычный психофизиологический диапазон, но на каждом обследовании я явственно ощущаю, что доктор Йонгер не верит мне ни на грош. Он убежден, что экстрасенсорные аномалии у меня в психике есть, и что под маской обычного, ничем не примечательного человека скрывается хищный и злобный инопланетный монстр, только и ждущий удобного случая, чтобы вцепиться кому-нибудь в горло. Он фанатично жаждет этого монстра разоблачить, застать врасплох, выдать себя, и, ухватив за жабры, вытащить его под пронизывающий рентген спецслужб.

В общем, к черту, доктора Менгеле! Не выношу его узко заточенную, костистую морду с тех пор, как впервые — около года назад — узрел ее в пугающей белизне изолятора.

Ничего, проскочим и в этот раз...

Через час я окунаюсь в привычную шизофрению вокзала. У нее омертвляющий цвет, и она ложится на все пленкой мутного полиэтилена. Вчера, как передали в утренних новостях, террористы «Исламского народного фронта», который в прессе для краткости называют прежним именем «Аль-Хазгар», взорвали на мадридском вокзале пригородную электричку. Двадцать шесть обожженных испанских душ вознеслись к небесам. Эхо взрыва раскатилось по всему миру, армада праведников, поющих славу всевышнему, увеличилась тут же на целый взвод, и потому хвост к магнитным рамкам при входе в вокзал сегодня выглядит точно очередь на эшафот. Растянулась она метров на сто: скопище скорбных лиц с глазами, уставившимися в пустоту. Багаж, словно на таможене, перетряхивают у каждого третьего, каждого второго заворачивают вновь пройти сквозь рамку, которая непрерывно звенит. Погребальный звон этот отдается в ушах. Паранойя вездесущего терроризма резонирует здесь с паранойей служб безопасности и порождает страх, превращающий воздух в душный кисель.

Несколько легче становится только в «Сапсане». Казалось бы, должно быть наоборот: взрыв на скорости около двухсот километров в час взметнет поезд вверх как огненный фейерверк. Это противоречит здравому смыслу. Однако здравому смыслу противоречит весь наш нынешний мир, и потому я поудобней устраиваюсь у окна и некоторое время развлекаюсь тем, что пытаюсь вычислить, кто меня сегодня «сопровождает». В очереди к вокзальным рамкам вроде бы стоял парень, который, когда я обернулся назад, как-то слишком поспешно отвел деланно-скучающие глаза. Но в вагоне его, кажется, нет. Да и какая, собственно, разница: следят — не следят? Одно время ко мне пытались приставить демонстративное наблюдение, дежурили под видом охраны трое крепких ребят: Петр, Сергей и Хасан. У моей парадной, приткнувшись к поребрику, непрерывно стоял серый «форд». Выйдя из дома, я обязан был сообщить, куда направляюсь, или просто мог сесть рядом с водителем и велеть себя отвезти. Как бы даже удобно, но через месяц я — просто взвыл.

Тот, кто не жил под демонстративной наружкой, меня не поймет. Кончилось это тем, что я закатил совершенно безобразный скандал, обзвонил все начальствующие инстанции, включая ДЕКОН, написал резкие кляузы куда только мог, и в конце концов просто предъявил ультиматум: если так, то я вообще выхожу из игры, и действительно просидел, наглухо запершись в квартире, более четырех недель. Спускался лишь в продовольственный магазин. Ни медосмотры не посещал, ни в деконовских семинарах участия не принимал. Западные корреспонденты уже начали задавать вопросы: куда я исчез? Демонстративное наблюдение с меня сняли, но я на сто процентов уверен, что меня все равно тщательно и непрерывно «ведут». Просто делают это теперь значительно аккуратней. Даже после ухода арконцев я остался под подозрением. Я сейчас как чумной — сам вроде бы не болеющий, но несущий в себе черную смерть. Все мои знакомые, приятели и коллеги строго предупреждены: если заметят в моем поведении что-нибудь странное — немедленно сообщить. Это их гражданский и человеческий долг. Бог с ними, в конце концов, если им так спокойней, то — пусть...

Прерывает мои размышления короткий сигнал. Мне приходят на телефон подряд два письма. Первое — от Анжелы (вероятно, с работы), она пишет, что на завтра у них в отделе намечен небольшой сабантуй, не мог бы я с ними чуть-чуть посидеть? Ну хотя бы полчаса, ну пожалуйста, добавляет она, и я даже сквозь печатные буквы слышу ее умоляющий голос. Анжелу можно понять: подозрения подозрениями, а за последние месяцы ее социальный статус вырос стократ. У кого еще муж — сотрудник ДЕКОНа? Кто больше меня причастен к одной из самых таинственных тайн? Кого принимал для приватной беседы сам президент? Часть моей «славы» ложится отблеском на нее, и, может быть, в административно-чиновных кругах конвертируется во что-то весомое. Нисколько не сомневаюсь, что так и есть. Отвечаю я ей, как и доктору Йонгеру, с некоторым злорадством: к сожалению, не смогу, завтра и послезавтра буду в Москве. Вызвали в ДЕКОН, извини. Впрочем, Анжелу это вряд ли смутит. Напротив, аура тайны, окружающая меня, в глазах ее сослуживцев лишь возрастет.

А второе письмо — от Лизетты и Павлика. Все в порядке, они прекрасно устроились в студенческом кампусе «На Холмах». Номера там квартирного типа: есть приличная кухня, горячая вода, душ, интернет. Уже завтра они начинают занятия на подготовительных курсах, и надеются, что осенью переедут в Бельск насовсем. Главное — сдать вступительные экзамены. Ну — сдадим; как ни странно, конкурс в этом году небольшой. Постоянно по скайпу общаются с Машенькой, она ждет не дождется, когда сможет приехать и посмотреть на звезды в самый «дальновидящий телескоп». Тебе от нее привет. К письму приложены фотографии: светлая, чистая улочка из новеньких двухэтажных домов, возле каждого — сонные тополя, цветники, асфальтовые дорожки. Солнце, прозрачные тени, дырчато-лиственная тишина. И на заднем плане, на самом высоком холме, тусклый, будто из матового серебра, ребристый купол обсерватории. В принципе эти фотографии должны были бы меня успокоить. Привычный, летний, поселковый пейзаж, располагающий к умиротворению и расслабленности. Но эффект от них оказывается прямо противоположный. Я ничего не могу с собой сделать. Я, будто галлюцинируя, вижу, как накатывается на поселок пыльная, взрывная волна, как летят, кувыряясь в воздухе, крыши, балки, ограждения палисадников, как чернеет и расплавом стекает внутрь обсерватории дымное серебро, как все, что секунду назад сияло миром и счастьем, погружается в едкий радиоактивный туман.

Это мое проклятие.

Только мое.

И, похоже, я обречен нести его на себе всю жизнь.

С вокзала меня подхватывает черная «ауди». В Москве теплынь, дымка, водитель сидит в рубашке. Он мрачно извещает меня, что как только погода установилась, мэрия начала — уже в сотый раз! — ремонтировать исторический центр. Все разрыто, перемещаться по городу можно лишь на метро или пешком. И действительно, мы движемся со скоростью подыхающего жука. Носом мы упираемся в грязноватый фургон, на задних дверцах которого красно-желтыми

буквами начертано «Мирта. Плодовоощтранс», слева нас поджигает двухрядный поток — протиснуться сквозь него не смог бы ни один пешеход, а справа, точно севшие на мель корабли, уткнулись друг в друга троллейбусы, покинутые пассажирами.

Время тоже — как будто прикипело к асфальту. Оно не движется, а стоит атмосферной, чуть вздрагивающей пеленой. Секундная стрелка на циферблате еле ползет.

Я нетерпеливо барабаню пальцами по коленям.

— Скоро, скоро уже, — успокаивает меня шофер. — Вот сейчас эти пройдут, и все.

Я немного отодвигаюсь влево и вижу, что вдалеке наш проспект пересекает длинная колонна автобусов. А по бокам ее прерывистой гусеницей ползут темно-зеленые бэтээры.

Так вот почему мы стоим.

— Нелегалов вывозят, — поясняет шофер. — Говорят, их в Москве уже полтора миллиона. По слухам, мобилизовали военные транспортники, набьют их, как кильку в консервы, и привет — лети в родные края... А что? Сколько ж можно? Слышали, наверное, что у нас тут прошлой осенью было? И, кстати, а как там у вас?

— У нас было гораздо спокойней.

— Ну, Питер, конечно, город культурный... А тут шли целыми штурмовыми колоннами, с палками, с заточками, стволы где-то достали... Слышали про стрельбу на Трубной?.. Целая битва была, Таманскую дивизию вызвали, блокировала район... Я сдуру выскочил было на улицу, гляжу — катится, значит, содом на гоморре: витрины бьют, двери в магазины выламывают, подожгли газетный киоск. Ну — я, конечно, назад. Дверь в парадную у нас, к счастью, железная. Прозвонил по всем этажам, собрал мужиков, которые в армии отслужили. Два часа потом просидели в подъезде, кто с монтировкой, кто топор взял, кто с молотком... Ничего, отстояли Москву... — Шофер чешет в затылке. — Да, наворотили делов уроды. — И уточняет: — Я этих... арконцев... имею в виду. Переворошили всю жизнь...

— Арконцы давно ушли, — говорю я.

Шофер неопределенно покачивает головой.

— Ну да... Ушли-то они, конечно, ушли, это верно, но, говорят, кое-кого после себя все же оставили...

— Пятую колонну?

— Во-во!.. С виду как человек, а внутри — неизвестно кто. Живут теперь на Земле, ждут своего часа... О, кажется, тронулись...

Шофер берется за руль.

Интересно, как бы отреагировал он, если бы знал, что я, по-видимому, как раз из тех, кого арконцы «оставили»? Только я ведь не жду своего часа. В случае апокалипсиса мои шансы выжить будут не больше, чем у всех остальных. Не хочется думать об этом, и потому я начинаю прикидывать, чем может встретить меня ДЕКОН? С одной стороны, понятно: завтра, о чем нам напомнили в новостях, исполнится первая годовщина Прибытия. Да-да, прошел ровно год с того дня, как посадочный модуль арконцев коснулся песков благословенной Аравии. Уже с утра все телеканалы показывают знаменитые кадры: замершая от собственной значимости делегация Генеральной Ассамблеи ООН, строй почетного караула в ослепительно белом обмундировании, серое небо, ряды пыльных пальм, синеватое марево арконского защитного поля, а за ним — колеблющийся, будто призрак, как в трясиину, погружающийся в бархан, быстро темнеющий силуэт яйцеобразного модуля. И одновременно — хроника нынешнего состояния Центра: черной сажой прочерченные остовы Павильона и Научного корпуса, полузасыпанные песком казармы, задранный колеса, опрокинутый бронетранспортер. Все, что осталось после того, как международные силы, нанеся предварительно ракетный удар, вытеснили оттуда боевиков «Аль-Хазгар».

Кстати, и Лорд на днях дал громадное интервью «Санди таймс». Ну, Лорд есть Лорд, его задача — внушать аудитории доверие и оптимизм. И потому: «Величайшее событие в истории человечества, значение которого мы еще долго будем осознавать... Новое представление о Вселенной... Новое представление о науке... Новое представление человека о самом себе... Весь наш мир теперь, после Посещения, станет другим»... Слова-то находит какие... Правда, я не

уверен, что они хоть сколько-нибудь верно отражают нашу сегодняшнюю реальность. Конечно, обстановка на Земле постепенно нормализуется. Вон Китай и Соединенные Штаты отозвали свои эскадры из района островов Сенкаку (Дяоюйдао): обе стороны согласились, что инцидент должен быть разрешен посредством переговоров. Или вон Европейский Совет обещает уже к концу года снять все временные ограничения на передвижение граждан внутри зоны ЕС. Или вон достигнуто соглашение о введении в ряд аравийских стран миротворческих контингентов ООН. Возможно, и этот костер удастся притушить. Напряжение, несомненно, спадает. Так что, может быть, и не окутает нас радиоактивный туман. Но в том-то и дело, что ничего, в сущности, не изменилось. Мир вовсе не стал другим, как пытается уверить нас Лорд, и мы сами, к сожалению, тоже не стали другими. Просто отбушевал тайфун, убрали мусор, обломки, которые он с собою принес, растащили завалы, и жизнь вернулась в свою обыденную, привычную колею. Вот что, например, изменилось в Москве? Ну разве что, как я вижу, все стены оклеены рекламой нового сериала. Название-то какое: «Чернее всех звезд». Это о том, как россияне героически отразили вторжение на Землю зловещих инопланетных пришельцев. Сам я ни одной серии пока не смотрел, но говорят, что моя фигура там чуть ли не главная: оказывается, мое проникновение в арконский Купол в действительности являлось тщательно разработанной, секретной операцией ФСБ, которая, собственно, и спасла весь мир.

А если вернуться к нынешнему мероприятию, то я, в общем-то зная, что представляет собою Лорд, нюхом чую: дело тут не просто в знаменательной дате. Дело в том, что Контакт уже уходит как из фокуса внимания СМИ, так и из фокуса внимания глобальной геополитики. Его уже заслоняют другие проблемы, ну и как следствие — ощутимо мелеют источники финансирования. Авторитет ДЕКОНа снижается. Вот Лорд, вероятно, и решил несколько оживить картину. Скорее всего, подготовил к этой пресс-конференции некий сюрприз, некую информационную бомбу, которая взорвется в медийном пространстве огненными хвостами петард.

Мою догадку подтверждает и толпа журналистов, теснящихся перед оградой. Сомкнулись они аж в семь или восемь рядов, из которых высовываются марсианские тренажеры мониторов. Некоторые уже ведут прямую трансляцию: умение долго и энергично говорить ни о чем — главное качество современного репортажа. Шофер нервно гудит, полиция расчищает проход, ворота чуть раздвигаются, наша «ауди» аккуратно протискивается во внутренний гостиничный садик. Телекамеры, как загипнотизированные, поворачиваются вслед за ней, но сквозь тонированные стекла салона им вряд ли удастся что-нибудь разглядеть. Охранник, открывающий дверь машины, предупреждает: «Не оборачивайтесь», — но я и без того понимаю, что мне надо скромненько проскочить в вестибюль. По неформальному договору, который заключил со мною ДЕКОН, я не даю интервью и не участвую ни в каких телешоу. Да, если честно, мне это и самому ни к чему. Не хочу, чтобы моя физиономия мелькала на экранах ТВ. Еще, не дай бог, начнут узнавать на улицах, в магазинах, в метро, тарачиться, заводить муторные разговоры. Приторная каша известности, которой я в свое время наелся до тошноты.

2

В общем, продолжается тот же неумолимый круговорот. Один мах колеса — и мне звонит доктор Йонгер, другой мах — и я на поезде, разрывающем воздух, несусь сквозь весеннюю марь в Москву, третий мах — и оказываюсь в холле гостиницы, которую арендовал для нашей встречи ДЕКОН. И вот на этом третьем, последнем махе бесшумного колеса я окончательно убеждаюсь, что моя догадка, пожалуй, верна. Пресс-конференция по случаю годовщины Контакта — это только формальный повод. Лорд и в самом деле подготовил сенсацию, которая должна потрясти весь мир. Я давно научился закрываться от чужих ощущений — они докатываются до моего сознания, как шорох чуть колышущейся под сквозняком кисеи. Но тут и не требуется экстрасенсорное восприятие. По оживленному снованию туда и сюда разных людей, по усиленному набору охранников, которых в холле

человек пять или шесть, по атмосфере легкой паники, спешки, путаницы и суеты и так понятно, что происходит нечто неординарное. Меня плотненько подхватывают две офисные девицы и, не дав слова сказать, влекут в лифт, на второй этаж, и дальше — в зал, где кресла, как в учебной аудитории, вздымаются от пола до потолка. Заполнены пока лишь первые семь-восемь рядов, остальные пусты. Я вижу Сару, которая выделяется среди всех и цветом кожи, и впечатляющими габаритами. Она мне чуть заметно кивает. Ответить не успеваю. Меня без объяснений втискивают куда-то вперед, и тут же, словно этим был положен заключительный штрих, поднимается на кафедру Лорд, звякает в колокольчик и своим внушительным администраторским баритоном объявляет, что сегодня у нас не совсем обычное заседание.

— Получен, по заключению наших экспертов, чрезвычайно важный, значимый результат, который через два часа будет представлен на открытой пресс-конференции. Комментировать этот результат я пока не буду. Вам предлагается самим его оценить.

Поворачиваются полосы жалюзи на окнах, меркнут лампы под потолком, вспыхивает экран, занимающий центральную часть стены. Образующаяся картинка знакома мне до мельчайших подробностей. Это лужайка в яркой траве, раскинувшаяся над рекой, по скалистым отвесам на другой ее стороне низвергается водопад, плывет водяной туман, угадываются справа расплывчатые очертания леса, оттуда, с периферии зрения, выступает олень, как корону, несущий по бокам головы раскидистые рога, влажные глаза его полны любовной тоски, сбоку возникает рука — на раскрытой ладони лежит золотистая, поджаристая лепешка. Самого человека пока не видно, но рука женская, об этом можно судить по ее тонким чертам. Олень чуть вздрагивает, будто собирается отскочить, осторожно присматривается, переступает на грациозных ногах, но потом наклоняет голову и берет лепешку крупными, замшевыми губами. Длится этот ролик примерно тридцать секунд. Я поражен: текстура проработана так, что все кажется настоящим. Никаких «мультишных» эффектов. Никакой забутовки, где были бы заметны или подсознательно

ощущались монтажные швы. Не зря, видимо, мы с Олегом Немитой горбатились целых три месяца, вылизывая по отдельности чуть ли не каждый кадр. Кстати, где сам Олег? В сумраке притихшего зала его не найти.

— Это первый источник, — дает пояснения Лорд. — Теперь давайте посмотрим второй визуал.

Снова вспыхивает экран. Картинка примерно та же, но показана в несколько ином ракурсе. Она как бы немного смещена вбок и вперед, и потому в поле зрения попадает теперь не просто рука, но почти весь человек. Силуэт его по краям немного двоится, но у меня нет сомнений, что это Дафна.

В сердце мне, будто от коньяка, ударяет головокружительный жар.

— Предупреждая вопросы, которые могут возникнуть, — говорит тем временем Лорд, — сразу же подчеркну, что оба источника работали независимо друг от друга. Это нами строго запротоколировано. Совпадение же обоих визуалов в деталях свидетельствует о том, что случайности в данном случае исключены. Кстати, у нас для этого есть и соответствующее математическое обоснование. Таким образом, мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что установлен факт межгалактической психогенной связи, носителем которой является земной человек. Нам пока неизвестна природа этого неожиданного феномена, мы пока не можем сформировать с Террой устойчивый двусторонний контакт, но, по крайней мере, ясно одно: совершен грандиозный прорыв, который будет иметь стратегические последствия. Давайте поздравим друг друга с первым успехом. Давайте поблагодарим наших талантливых операторов за их колоссальный труд.

Лорд величаво проводит над залом рукой. Зажигается свет, аплодисменты взметываются, как стая в тысячу голубей. Встает Олег Немита, сидевший, оказывается, во втором ряду, и поднимается в середине аудитории еще один человек, который мне незнаком.

— И, конечно, следует поблагодарить наших самоотверженных реципиентов. Их природные данные, их готовность работать неделями, месяцами, с утра до ночи, практически на износ сделали реальным этот прорыв.

Теперь приходится встать мне, а на противоположном конце зала поднимается Чак.

От оваций дрожат лампы на потолке.

Да, это, несомненно, победа. ДЕКОН под развевающимися знаменами гарцует на белом коне.

Звонят фанфары.

Симфония корпоративного торжества.

Честно признаюсь, я такого не ожидал. Мне еще минуту назад казалось, что те невнятные образы, которые мы с Олегом Немитой записывали на громоздкой, капризной, не внушающей доверия онейрологической аппаратуре, являются порождением исключительно моей психики — этаким калейдоскопом желаемого, всплывающего из глубин подсознания. Ни к каким межзвездным коммуникациям это отношения не имеет. О параллельной онейрографии Чака мне ничего известно не было. Но если визуалы из независимых источников до такой степени совпадают, то Лорд прав: это действительно коммуникационный прорыв, мы, вероятно, не сразу конечно, но сможем установить прямую связь с Террой, и тогда все, и у нас, на Земле, и там, в звездной дали, будет выглядеть совершенно иначе. Возможно даже, что вероятность апокалипсиса резко снизится, и мы в очередной раз выберемся из тупика, в который загнали сами себя.

Во всяком случае, мне хочется в это верить.

Единственное, о чем я жалею сейчас, что не присутствует здесь Андрон Лавенков.

Вот кто был бы по-настоящему счастлив.

Андрон, Андрон...

Я до сих пор иногда вижу картину: болезненно вздрагивающий, с трудом отрывающийся от земли вертолет, хлопки выстрелов, крики, взрывы, раздающиеся по сторонам, груз навалившейся на меня Сары и оставшийся внизу человек, безнадежно распластанный, точно краб, подгребающий под себя серый песок.

Врезалось в память.

Мне почему-то кажется, что в его гибели есть и моя доля вины.

А Лорд в это время, наверное, для того, чтобы окончательно закрепить в сознании присутствующих главный смысл

презентации, , нарочито будничным голосом говорит, что, по нашим данным, которые, разумеется, еще следует уточнить, сами арконцы такими психогенными способностями не обладают. Это эксклюзивная прерогатива Земли, и это тот уникальный ресурс, который вполне способен обеспечить человечеству особый межзвездный статус.

На этот раз аплодисменты слабее.

Информация слишком неожиданная и серьезная, всем нужно время, чтобы ее осознать.

Затем начинают проклевываться вопросы.

Хайма ван Брюгманс, которая нисколько не изменилась — то же мягкое, будто из теста вылепленное лицо, те же светлые, нелепые, как у девочки, тугие кудряшки, тот же брючный костюм, только уже не синего, а бордового цвета, — интересуется, скоро ли, по нашему мнению, будет установлен контакт с обеих сторон. Ведь без этого говорить о полноценной межзвездной связи нельзя. Лорд легкомысленно отвечает, что это дело ближайшего будущего. Сейчас разрабатывается программа, которая, как мы полагаем, позволит синхронизировать коммуникат. Результат, видимо, дело месяцев, а не лет. Давайте наберемся терпения и чуть-чуть подождем.

Далее физик-индонезиец спрашивает, насколько эффект нуль-связи воспроизводим.

— Вы же понимаете, — вежливо улыбается он, — что воспроизводимость — критерий научного знания. Иначе все будет выглядеть так, словно это наколдовал шаман.

Здесь Лорд чуть запинаясь, но все-таки отвечает, что воспроизводимость эффекта пока лишь частичная. Судя по всему, нуль-связь возникает, только если реципиент испытывает сильный эмоциональный инсайт. Внезапное потрясение. А этого не каждый раз удается достичь.

— Я потому и сказал, что главное для нас — проблема синхронизации. Но я надеюсь, и основания для этого есть, что мы эту задачу решим.

А затем разговор сползает в привычную колею. Можно ли верить арконцам и состоится ли еще их визит? Что им в действительности было нужно от нас? Какова — в культурологической перспективе — судьба всех тех, кто переселился на

Терру: останутся ли они землянами, сохранив наши базисные черты, или создадут принципиально иную, уже нечеловеческую цивилизацию? Ну и так далее и тому подобное. Все это перемалывалось в дискуссиях на семинарах ДЕКОНа бесчисленное количество раз. Неизбежно всплывает вопрос и о так называемой операции «Бонобó». В западных СМИ это сейчас тема номер один. Я тоже мельком просматривал в новостях подобные материалы. У меня они доверия не вызывают: загадочная гибель одного из бывших сотрудников администрации президента Соединенных Штатов... его записки, которые он незадолго до смерти передал некоему журналисту... разоблачение инцидента с заложниками как секретной операции спецслужб трех великих держав... опровержение «конспирологических измышлений»... опровержение опровержений... Не знаю. Мне кажется, что это очередной мыльный пузырь, из тех, что надуваются вокруг актуальной тематики каждые несколько дней. Я совершенно согласен с Лордом, который укоризненно замечает, что обсуждение дешевых сенсаций не входит в задачу нашего нынешнего собрания.

— Давайте оставим это для пресс-конференции, для журналистов, и поговорим о более серьезных вещах...

О серьезных вещах я слушать уже не могу и минут через двадцать осторожно выскальзываю за дверь. Спустя мгновение появляется Чак. Мы, не сговариваясь, поднимаемся на четырнадцатый этаж и устраиваемся в кафе, где кроме нас нет никого. Из окна открывается вид на проспект, по которому медленно, как мигрирующие муравьи, с явной натугой ползет плотный автомобильный поток.

— Ну и что? — спрашивает Чак.

— Да ничего, — отвечаю я и пожимаю плечами.

Настроение у меня приподнятое, но сумбурное, и, судя по тому, как нервно выглядит Чак, у него состояние несколько не лучше.

— Ты решишь, что это действительно связь?

— Похоже на то, если только мы себя не обманываем.

— Ну, дай бог, если так...

И Чак, слегка путаясь от волнения, говорит, что у него при контакте с Ай Динь вообще никакой внятной картинки

не возникало. Это не было визуалом в его подлинном смысле. Скорей — набор ощущений, в котором всплывали отдельные зрительные детали. И он, Чак, просто не понимает, как Саймус Тилд, это второй оператор, кстати, прежде работавший в АНБ, сумел собрать их в осмысленный и внятный сюжет.

— Но сам контакт был?

— Что-то такое... очень неопределенное... Вот рука с хлебом, она точно была, и реку, по-моему, я тоже видел... А что бы все вместе...

Он дергает темной щекой.

— Полагаешь, фальсификат?

— Ну, заявлять публично я бы об этом не стал... Однако немного откорректировать мои скриншоты по твоему материалу — вполне могли. Здесь подтянуть, там добавить, в третьем месте слегка, совсем чуть-чуть, уточнить... И знаешь, что хуже всего? А то, что, просмотрев визуал в собранной форме, я теперь верю, что видел все именно так. Хотя через полиграф меня пропускай. А у тебя, как я понимаю, сомнений нет?

Я отвечаю ему, что, разумеется, сомнения были и у меня. Но вот сегодня, посмотрев оба чистовых визуала, не знаю, быть может, операторы их и в самом деле отредактировали, я вдруг — вопреки всем сомнениям — ощутил, что во время этих сеансов действительно иногда вижу Дафну. Точнее — вижу эпизоды жизни на Terre ее глазами. И вряд ли это можно объяснить обычным самовнушением, когда человек видит именно то, что страстно жаждет увидеть. Ведь что такое спонтанная аутогения? Это рекомбинация уже известных, заведомо знакомых реципиенту явлений. Подсознание лишь увязывает их между собой. А в моих, достаточно длительных визуалах, коих, между прочим, скопилось уже восемь штук, наличествуют подробности, которых в земной жизни нет. Я просто не смог бы их самостоятельно вообразить. В качестве примера я привожу схватку с карликовыми волками, выловленную из моего «трансцензуса» примерно месяц назад. Это были именно волки, только размером с лису, и не серые, как следовало бы ожидать, а почему-то синевато-зеленоватые. Кстати, и уши у них были тоже не волчьи. Мне бы такое

в голову не пришло. Хотя доказать, что это был подлинный нуль-контакт, я тоже, разумеется, не могу. Лорд, скорее всего, прав: нужный сигнал проходит лишь на фоне экстремальных эмоций, а поскольку подобные ситуации в жизни терран складываются, по большей части спонтанно, то и связь устанавливается спонтанно, когда ее вовсе не ждешь. И я, разумеется, не могу поручиться, что Дафна на Терре тоже чувствует этот контакт, не могу поручиться, что она, в свою очередь, хоть как-то воспринимает меня.

Я хочу успокоить Чака и потому свою уверенность слегка акцентирую. Смещаю действительное к желаемому, чтобы оно выглядело правдоподобнее.

Чак это, видимо, понимает и вдруг хитро прищуривается:

— Слушай, а правда — дошел до нас такой слух, — что доктор Менгеле предложил руководству новый гениальный проект? Якобы осенило его. Чтобы, значит, несколько сотрудниц ДЕКОНа, добровольно конечно, вступили с тобой в сексуальные отношения? Не образуется ли при этом между вами нуль-связь? Это действительно так? Интересно, а право выбора таких сотрудниц тебе дадут? Ну — завидую. Очень, очень перспективный эксперимент...

— Можешь поставить этот эксперимент на себе, — в тон ему отвечаю я. — Ты ведь женишься, да? До нас тоже доходят кое-какие слухи. Вот и напишешь потом подробный отчет. Можешь подать его непосредственно доктору Менгеле. Так сказать, в виде личной инициативы.

— Да ладно, — говорит Чак. И неожиданно хрустит пальцами, как будто хочет их отломать. На меланиновой коже, на косточках проступают желтые пятна. Белки глаз на темном, скуластом лице ярко блестят. — Я вот чего боюсь по-настоящему, — шепотом признается он. — А вдруг пророчество, которое содержится в Книге книг, лишь эхо, лишь отражение каких-то древних, но вполне реальных событий? Вдруг это все у нас уже было? Арконцы тут ни при чем. Они — не причина, они — ее формальное проявление. Они лишь посланники, герольды Судного дня. Они лишь огласили тот приговор, который ни смягчению, ни обжалованию не подлежит. Вот — плаха, вот — топор, вот — палач. Нам даже барахтаться не

имеет смысла. Нам остается только лечь, закрыть глаза, замереть и ждать.

Я отвечаю:

— Приговор они все-таки не оглашали. О приговоре совершенно точно знают лишь два человека, — показываю пальцем на него, потом на себя. — Возможно, еще Лорд догадывается, и все. И не забывай, пожалуйста, важный аспект. Этот приговор в действительности вынесли не они. Этот приговор мы вынесли сами себе. И теперь сами же будем приводить его в исполнение. Мы — и палач, и жертва одновременно. И даже — зрители, которые пришли поглазеть на казнь. К тому же какое-то время у нас, видимо, еще есть. Погляди на небо — оно пока не сворачивается, как свиток...

— Но это может случиться когда угодно.

— Да, может, — киваю я.

Вот так мы с Чаком поговорили.

Совершило очередной оборот чертово колесо. Горизонт Судного дня стал на миг ближе.

Это, так сказать, вводная часть.

А теперь позвольте представиться: Илья Коврин, русский, петербуржец, сорока двух лет, доктор наук, последние годы занимался культурологией. Теперь же — прихотливой волей судьбы — сотрудник ДЕКОНа, то есть Департамента ООН по контактам с внеземными цивилизациями.

3

Первое, что я хоть как-то осознаю, это столб черного дыма, медленно, гигантским шурупом вывинчивающийся из земли. У него даже шляпка имеется — рыхлая, загибающаяся по краям, как у трухлявой поганки. Причем я это не вижу, а именно осознаю: зрение и сознание у меня странным образом разъединены. Они существуют отдельно, мне их не совместить. Однако через мгновение я все же догадываюсь, что это горит вертолет. Он лежит на боку, точно полураздавленное насекомое, внутренности его вывалились наружу, а из разлохмаченной металлом дыры как раз и вывинчивается этот дымный шуруп. Одновременно я замечаю второй вертолет, наклонивший

акулий нос и, видимо, готовящийся к посадке. Но прежде чем он успевает коснуться земли, из открытой двери его высовывается труба, окольцованная двумя стяжками, выскакивает оттуда пенная струя выстрела, и легкое двухэтажное здание офицерского клуба вспучивается изнутри ярким огнем.

Все это похоже на кадры американского боевика. С одной лишь разницей — здесь напрочь отсутствует звук. Ни один шорох не рождается из пламени, дыма и содроганий. Я отчаянно трясую головой, и вдруг до меня доходит, что сам я, оказывается, сижу на земле, привалившись спиной к какому-то резко давящему на лопатки углу, обе ладони мои тоже упираются во что-то колющее, по правой от локтя до запястья стекает грязная кровь, а левая нога вывернута так, что вот-вот лопнут натянутые сухожилия. Я ее осторожно сгибаю, это больно, зато похоже, что зрение и сознание у меня все-таки слегка совмещаются: я понимаю, что разнобойная груда досок, вздыбившаяся неподалеку, это то, что осталось от нашего Павильона, действительно — вон лежит дверь, почти целая, блестит медью петель, выдернутых из пазов. А вон торчат ножки перевернутого стола, за которым мы сидели на переговорах. Вероятно, ракета, выпущенная из первого вертолета, угодила точнехонько в галерею между Павильоном и Куполом. Конец галереи, поблескивают вокруг осколки стекла. Виллем как раз, за пару минут до этого, прошествовал по ней внутрь, устроился, как обычно, напротив нас, пощелкал ногтем по микрофону, давая понять, что к работе готов. Позже эту последовательность событий восстановили во всех подробностях. Я же, помимо щелканья, смутно почувствовал некий нарастающий гул, повернул к окну голову, узрел пару транспортных вертолетов, снижающихся над Центром. Двое или трое солдат уже махали флажками, указывая им куда сесть. Совершенно обычная, не вызывающая тревоги картина. И вдруг — точно выдернули из головы один цветной слайд и мгновенно заменили другим: дым, огонь, разрушения, земля, усыпанная обломками. Удивительно, что я уцелел. Боже мой, а сам Виллем, а Дафна, а Чак и Ай Динь?..

Опять-таки позже, после допроса пленных, выяснилось, что террористы действительно целились в соединительную

галерею. Они таким образом хотели отрезать Виллему путь под Купол. Павильон же, в связи с особенностями местного климата, собран был из легких древесных пород, он при взрыве не рухнул, а лишь опрокинулся и сложился, к счастью, все-таки приняв на себя часть ударной волны. Дафна отделалась небольшими ушибами, как впрочем и Чак, сидевший рядом со мной. Из техников тоже почти никто серьезно не пострадал. И совершенно не пострадала Ай Динь — несколько мелких царапин, и все. Конечно, я еще ничего об этом не знаю. Я пока не в состоянии разобраться, что тут произошло. Вместе с тем мысль о Дафне заставляет меня подняться на ноги. Это не просто: при каждом движении внутри у меня что-то как будто рвется, отдаваясь вспышками боли. Соображать тем не менее я начинаю гораздо лучше. Я отчетливо вижу, что второй вертолет уже приземлился неподалеку от первого, и из него, как двуногие тараканы, выскакивают и бегут ко мне люди в черных комбинезонах. На головах у них балаклавы — матерчатые, со страшными дырками для рта, ушей, носа и глаз, каждый движется какими-то неестественными рывками и каждый (меня точно бьет током) держит в руках автомат. До них метров тридцать — сорок, не больше. Передний вдруг сдергивает балаклаву с лица, и я с ужасом узнаю в нем Юсефа — откуда он здесь? Юсеф отчаянно машет мне свободной рукой...

Недели через две, когда Юсеф уже давно будет мертв, а я сам, словно новорожденный, очнусь в арконской реанимации и начну кадр за кадром прокручивать в голове данный сюжет, то внезапно пойму: он мне командовал, чтоб я лег — пытался меня спасти, не хотел убивать. Но в данный момент я, разумеется, ничего этого не понимаю. Тем более что периферийным зрением вдруг замечаю Виллема: похожая на подростка, осыпанная мучной пылью фигура, ощупывая воздух вокруг себя, неуверенно, спотыкаясь, бредет по направлению к Куполу. Только, если уж точно, не к Куполу, а по касательной к краю его. (Сам Виллем мне потом объяснит, что от удара утратил ориентацию, вообще — как бы ослеп.) И вся она, то есть фигура, такая слабая, беззащитная, такая потерянная — мыслящий тростник среди бушующего огня — и уже ясно, что внутрь Купола Виллему по этой траектории не попасть, он пройдет мимо — в смертельную песчаную пустоту.

Каким-то странным образом я оказываюсь рядом с ним, хватаю за плечи, разворачиваю лицом к защитному полю — вдоль силовых линий его струится и оседает дым. Мне даже в голову не приходит, что человек впервые физически прикоснулся к арконцу. Ни одной мысли у меня в сознании нет. Я сделан из чистой боли. У меня вместо мозга — крошечный нейронный распад. Кружится пепел, воздух вокруг пузырится, как в каше, взметывается и кипит. И опять-таки я, конечно, еще не знаю, что террористы, принадлежащие все к тем же бригадам смертников «Аль-Хазгар», получили приказ захватить Виллема живым или мертвым, в первом случае как заложника, а во втором — просто убить. Убить — чтобы разорвать навсегда связь Аркона с Землей. Ничего из этого я не знаю. Я как зомби: не знаю вообще ничего. Я даже не понимаю, почему вдруг получаю в спину два сильных толчка и почему у меня так резко слабеют и, будто резиновые, подгибаются ноги. Мне кажется, что я — это уже не я, а кто-то другой. Мое существование завершено. Я, как глыба, рухнувшая с небес, обваливаюсь на Виллема со спины, сминаю его, уходит земля из-под ног, накатывается грохочущая волна, и мы оба, словно призраки в преисподнюю, проваливаемся куда-то во тьму...

4

День этот с самого начала летит кувыркком. Ровно в восемь утра Марина Тэн, наш уникам-полиглот, объявляет по громкой связи, что, согласно прогнозу метеорологов, на Центр движется песчаная буря, самум. Предполагается, что начнется она около девяти часов, достигнет максимума к десяти и продлится примерно до одиннадцати — одиннадцати тридцати. Никакой опасности нет, бодрим голосом заверяет слушателей Марина, принимаются все необходимые меры, однако в этот период выход из помещений категорически запрещен. Повторяю: выход из жилых корпусов категорически запрещен. Соответственно, плановый раунд переговоров, назначенный на десять утра, отменяется. О дальнейших изменениях в распорядке дня мы вас известим. Следите за информацией.

Данный текст Марина повторяет аж девять раз — на девяти официальных языках, принятых в Центре. Я, как всегда, испытываю при этом приступ острого раздражения. Чертова полторкорректность, достаточно было бы одного английского! Тем более что экстренную связь в помещениях отключить нельзя — приходится вот так почти каждый день выслушивать и совершенно излишний русский (у Марины здесь слабенький, но очень забавный акцент), и французский, который сливается для меня в сплошные съер-сьюр-бьен, и немецкий, набитый костяными согласными, и китайский, и испанский, и арабский, и итальянский, и даже хинди (который, как мне объяснила та же Марина, на разговорном уровне практически не отличим от урду). Одно время пытались включить в список также банту и суахили, но единственная этническая африканка среди сотрудников Центра, то есть Дафна Делиб, ко всеобщему облегчению заявила, что не понимает ни того, ни другого.

В общем, на итальянском я уже запираю свой номер, спускаюсь на первый этаж, где у нас находится ресторан, делаю перед дверями его глубокий вдох и, придав лицу выражение отчужденной задумчивости, вхожу внутрь.

Этот психотерапевтический ритуал: вдох — выдох, отчуждение на лице — я исполняю теперь всякий раз, когда мне нужно куда-то идти. После того как три дня назад внезапно арестовали связистов с переговорного пункта (двое — арабы; третий, если не ошибаюсь, бербер), а затем, в тот же день, во второй половине его, пропал Юсеф, исчез, черт, бесследно, будто провалился в песок, отношение к нашей группе настроенное. Не то чтобы нас всех скопом подозревают, хотя исключить такое, разумеется, тоже нельзя, но уже третий день я чувствую на себе осторожные взгляды, улавливаю сдержанность в разговорах, слышу, возможно преувеличивая, быстрый шепоток за спиной. На нас словно появилось клеймо — выжженное тавро позора, которое ни смыть, ни стереть, ни скрыть: просвечивает сквозь любую одежду.

Впрочем, сегодня, как я сразу же понимаю, оно гораздо бледнее. Все заслонил накатывающийся из пустыни самум. Наружные окна столовой уже прикрыты щитами, зажжен электрический свет, сочащийся неестественной желтизной.

Голоса в нем сливаются в один неразборчивый гул. Но, продвигаясь с подносом вдоль длинной стойки раздачи, я с удивлением обнаруживаю, что обсуждается вовсе не внезапный песчаный шторм. Оказывается, я кое-что важное пропустил. Еще вечером, где-то около двадцати трех часов, лидер Народного исламского фронта «Аль-Хазгар», который две недели назад совершил в королевстве государственный переворот, объявил, что Аравия теперь уже не Дар аль-ислам, Мир ислама, где царит по воле Аллаха благоденствие и покой, а — Дар аль-харб, территория войны, которая продолжаться будет до тех пор, пока со священной земли мусульман не будет изгнан последний кафир. И это, как выясняется, не просто слова. Оказывается, ночью (передавали в шестичасовых новостях) Фронт «Аль-Хазгар» внезапным ударом захватил Напалейб, расположенный всего в пятидесяти километрах от нас.

— А что такое пятьдесят километров? — говорит соседу справа от меня Олле Крамер, лингвист. — Танкам два часа ходу — даже при том, что прямой дороги здесь нет. Не забывай, на их стороне почти вся армия, а Штаты, долбаные, поставляли туда вооружение много лет. Танков у них больше тысячи, триста самолетов, приличный флот, двести тысяч человек только в регулярных войсках...

— Но у нас же тут — контингент ООН...

— Четыре тысячи, включая обслуживающий персонал. И потом, когда это войска ООН могли кого-нибудь защитить? Вспомни резню в Руанде, кошмар, или Балканские войны, тоже резня, или это несчастное Сомали... Ну, были там миротворческие части ООН — и что? А на внешнем периметре у нас кто стоит — саудовский батальон.

— Они теперь — тоже «Хазгар»?

— Вот этого не знает никто...

Они отходят, не замечая меня, а я неожиданно вспоминаю, как кричал Юсеф (кажется, месяц назад): «Что делали крестоносцы, когда они вторглись на Ближний Восток?.. Что они сделали, когда захватили Иерусалим?.. За три дня они вырезали более тридцати тысяч мусульман. Убивали всех сарацин — так они нас называли — мужчин, женщин, детей!.. Раймонд Ажилский, европеец кстати, прованский хронист,

писал, что на улицах и площадях можно было видеть кучи отрубленных рук, ног, голов, всадники передвигались в крови, доходившей их коням до колен, убитых было так много, что крестоносцы не знали, куда их девать!.. А когда спустя пять месяцев — заметь, почти полгода прошло — Фульхерий Шартрский, опять-таки европеец, христианин, прибыл в Иерусалим праздновать Рождество, его потрясло зловоние от гниющих трупов, все еще лежавших без погребения!.. Вот что значит цивилизационное превосходство — это когда истребляют и покоряют тех, кто слабей!.. Почему ты думаешь, что арконцы поступят с нами иначе?.. Может быть, убивать они и не будут, но они нас сомнут, как танки траву. От нас не останется ничего!.. Мы станем как мусульмане под владичеством христиан!.. Нам нельзя будет поднять голову!.. Нам нельзя будет говорить то, что думаешь, вслух!.. Нам нельзя будет совершать заповедованный Аллахом намаз!»!

Да, примерно месяц назад. Поздний вечер, площадка перед баром «Аркон», бараки складов, колючая проволока периметра, галогенные хищные лапы прожекторов, тщательно ощупывающих пустыню.

Меня нетерпеливо постукивают по плечу:

— Заснул?

Это Пламен Дончев, попросту Пламик, в дурацкой своей гавайской рубашке и адидасовских шортах чуть выше колен. Тощий, жилистый, нервный, всклокоченный по обыкновению, как воронье гнездо.

— Слышал? — быстрым шепотом говорит он. — Сразу после самума здесь высадится американский десант. Морские пехотинцы — это тебе не хрен. Сменят у нас на периметре саудовские войска.

— Ну да, — отвечаю я. — Вот подойдет армия Венка и отбросит большевиков.

Пламик делает большие глаза.

— Не понял, — удивляется он.

Я коротко рассказываю ему, как в конце апреля тысяча девятьсот сорок пятого года Гитлер метался по бункеру в подвале рейхсканцелярии и кричал: «Где Венк?.. Куда пропал Венк?.. Когда наконец подойдет армия Венка?..» Генерал

Вальтер Венк должен был ударить по советским армиям с тыла, спасти Берлин.

— И что?

— А то, что Венк к тому времени уже был разбит. «Последняя надежда фюрера» развеялась как мираж.

Пламик хмыкает:

— Да... не знал... А у нас тут, ты прав, действительно... похоже на бункер. Вот, кстати, и фюрер тебя зовет.

Я уже и сам вижу, что от столика у стены, от панно, изображающего встречу землян с арконцами, меня величаво по-манивает пальцами Лорд.

— Приветствую вас, Илия, — говорит он. — Минуточка для меня найдется? — И тут же, не дожидаясь ответа, поворачивает лицо несколько вбок. — Бэрримор, друг мой, я вдруг сообразил, что оставил вчера в конференц-зале папку номер четыре. Не могли бы вы ее принести? Номер четыре... Мне эти документы потребуются.

Питер Бэрмор, до этого равнодушно пережевывавший салат, поднимается и, ни слова не говоря, выходит из зала. Ни для кого не тайна, что он вовсе не секретарь, как сказано в списочном официальном листе, а исполняет при Лорде совсем иные функции. И подлинная фамилия его вовсе не Бэрмор, и звание у него — майор, как мне однажды намекнул Лавенков. А Бэрримор он у нас потому, что Лорд — это действительно лорд, и обращаться к нему следует «сэр Генри». Сам он вовсе не настаивает на этом, но не выговаривать же каждый раз «мистер Стемплтон-Нортумберленд Седьмой», язык поломаешь, хотя по-английски это, конечно, короче.

— Садитесь, садитесь, — он помогает мне поставить поднос. — Что это у вас?

— Овсянка, сэр Генри, — не удержавшись, отвечаю я.

— Какая же это овсянка? Это бифштекс...

Лорд милостиво улыбается. Он ценит шутку. Он — само обаяние, что, в общем, понятно: обаяние сэра Генри — его основной капитал. И уже в который раз я поражаюсь этому удивительному феномену, его иначе как мистикой не объяснишь. Внешне Лорд — вылитый неандерталец: низкий лоб, мохнатые надбровные дуги, челюсть — толстым ковшом, чуть

ли не вполовину лица, фигура как шкаф, воплощенная звериная мощь: медведя сожмет — у того ребра треснут. Вместе с тем минуту с ним пообщаешься, и он уже — лучший твой друг. Фантастическая доброжелательность. Начинаешь ему доверять больше, чем самому себе. Впечатление чуть портит лишь чрезмерно крупный зубной оскал, из-за чего губы, вывернутые вперед, не прикрывают его до конца. И мне иногда — в минуту отрезвления — кажется, что этими своими зубами Лорд перегрыз не одного опасного конкурента. Закон бюрократических джунглей: не загрызешь ты — загрызут тебя. Успешность административной карьеры зависит прежде всего от умения загрызть каждого, кто заслоняет тебе путь наверх.

— Вот что я хочу вам сказать, Илия́. Только что состоялось заседание нашего Комитета, и решено было в расписании переговоров ничего не менять. Несмотря на прискорбный... м-м-м... инцидент... ваша группа, как и намечено, проведет сегодняшний раунд. Пусть даже в неполном составе. Надеюсь, вы не будете возражать, Илия́?

Он называет меня Илия́, с ударением на последнем слоге, был такой жестокий ветхозаветный пророк. Тоже — своеобразный юмор. А под инцидентом он, конечно, подразумевает исчезновение Юсефа.

Я поражен этим неожиданным сообщением. Последние два дня ходили упорные слухи, что нашу группу в лучшем случае тихо расформируют, разбросают по другим экспертным сообществам, в худшем же — всех четверых отстранят от переговоров: мы ныне под подозрением, нас нельзя допускать в святая святых.

Лорд, впрочем, видя мое недоумение, поясняет, что нам просто исключительно повезло. Во-первых, треть членов Административного комитета из-за надвигающегося самума застряла в Аммане, кворума не собрать, неизвестно, когда они сюда доберутся. А во-вторых, из дежурной группы экспертов, которая могла бы нас заменить, выбыли сразу два человека: Гомар, этнопсихолог, утром неожиданно грохнулся в обморок, едва откачали, сейчас находится в медотсеке, а Ида Страймер, профессиональный переговорщик, в обморок, правда, не грохнулась, но засыпает каждые полчаса,

отключается на две-три минуты, никакими силами ее не разбудить.

— И вообще, — говорит Лорд, — если мистер Халид внезапно исчез, то почему мы должны подозревать всех остальных? Вы ведь ничего не знали о его замыслах? Нет? Я так и думал. Вот, пожалуйста, и придерживайтесь этой версии.

— Это не версия, — отвечаю я. — Это именно так и есть.

— Значит, договорились...

Лорд чуть заметно кивает. И тут я чувствую, что мой мозг как бы обволакивает некий теплый туман, некая субстанция, почти не обладающая материальностью. Она без усилий проникает в мое сознание и пропитывает его, как вода рыхлую ткань. Продолжается это чуть больше секунды, но это, видимо, самая опасная секунда в моей жизни. Я как бы повисаю на тоненьком волоске, который натягивается, дрожит, и кажется, что вот-вот звонко лопнет. Мне, однако, везет: в беседу нашу внезапно вклинивается телефон и вырисовывается на экране его вопросительный знак. Я извиняюсь перед сэром Генри (лордом Стемплтон-Нортумберлендом Седьмым) и отправляю в ответ знак восклицательный. Тут же на экране всплывают — без слов — два вопроса. Я, в свою очередь, тоже отправляю вопрос и через мгновение получаю ответ: «три — ноль».

Это, разумеется, Дафна. Я сижу спиной к залу и поэтому не вижу ее. Но она, несомненно, заинтригована моей внезапной беседой с Лордом и, естественно, хочет знать, что он мне такого сказал. А условными значками мы обмениваемся потому, что внутренняя связь у нас в Центре совершенно официально фиксируется, вот и приходится изобретать «рыбий язык». На самом деле все очень просто. Вопросительный знак — Дафна предлагает увидиться. Мой восклицательный означает, что я согласен. Два вопросительных от нее — «когда?». Мой вопросительный — «назначь время сама». Цифры «три — ноль» означают — через тридцать минут.

Так мы общаемся.

Тайные руны, клинопись эпохи спецслужб.

Туман за это время рассеивается. Я облегченно вздыхаю и захолопываю телефон.

— Очень вам благодарен, сэр Генри.

Лорд разводит руками:

— Напротив, это я благодарен вам, Илия. Я очень рад, что мы с вами сотрудничаем. Ведь нас так мало среди всех этих военных, чиновников, администраторов, среди всего этого *обслуживающего персонала*, тех, кто озабочен лишь формой, но даже не пытается разглядеть сквозь нее подлинный смысл. Не осознает очевидного: мы, люди, все человечество, держим сейчас экзамен на зрелость, и от того, как мы этот экзамен сдадим, какую оценку получим, зависит наша судьба.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я опять, вопреки всем доводам разума, чувствую, что мои подозрения — полная чепуха. Бред, нелепость, фантомы воспаленного воображения. Лорд вовсе не пытался только что взять меня под контроль. Как такое вообще могло прийти мне в голову? Он совершенно искренне ко мне расположен, и я всегда могу рассчитывать на его поддержку.

Это же очевидно.

Я таю, как мороженое в горячей руке.

И тут Лорд наносит мне главный удар.

Он сыплет в кофе три ложечки сахара и замечает, дурашливо вздернув брови:

— Надеюсь, Илия, вы — не поклонник диеты? Диета — это проклятие, которое накладывает на нас благополучная жизнь. Мы только и делаем, что, как безумные, подсчитываем калории. Того нельзя, этого тоже нельзя. Здесь — губительные жиры, там — вредный холестерин. Мы превратились в рабов диетологических фирм. Раскрою вам страшный секрет: все диеты, все рекомендации по питанию — выдумки высокооплачиваемых врачей. Уж вы поверьте, я знаю, о чем говорю. Мне шестьдесят восемь лет, и я прекрасно себя чувствую без всяких диет. Лучшая диета, по моему личному опыту, это ежедневный, осмысленный, целенаправленный труд. Работа, мой друг, работа, работа — и вам не потребуется никаких диет. Но вы, вероятно, это и сами знаете, Илия. Вот, например, я вижу, что ваш англо-американский язык улучшается день ото дня.

— Здесь у меня хорошая практика, — говорю я, пожимая плечами.

— Конечно, практика — это все.

И вдруг до меня доходит, что Лорд на самом деле имеет в виду. Сердце у меня дает сбой, наткнувшись на невидимую преграду. К лицу подступает жар, и оно начинает пылать, словно я грубо соврал.

Хочется отсюда бежать, только некуда.

Спасает меня Бэрримор, который приносит папку и аккуратно кладет ее на свободный угол стола. После чего, ни слова не говоря, принимается за салат.

Сэр Генри смотрит на папку с явным недоумением.

Потом спохватывается:

— Спасибо, мой друг. Я так и думал, что забыл ее там. — Поднимает толстый указательный палец. — О, кажется, началось...

Гомон в ресторане стихает.

Буквально за две-три секунды воцаряется напряженная тишина.

И в тишине этой становится слышно злобноватое шипение ветра и вместе с ним какой-то странный скрежещущий звук — прерывистый, царапающий. Будто трется снаружи о ставни нетерпеливый, голодный, только что пробудившийся, многолапый песчаный зверь...

Дальше все тоже идет кувырком. Самум достигает максимума действительно около десяти часов. Теперь снаружи докатывается уже не шипение, а глухой яростный рев, и пощитам, закрывающим окна, не просто скрежещет, а лупит очередями мелких камней. Гостиница ощутимо подрагивает. Где-то далеко, еле слышно звякает вылетевшее стекло. Впрочем, Марина Тэн чуть ли каждые пятнадцать минут повторяет на тех же девяти языках, что причин для тревоги нет, здание построено с громадным запасом прочности. В случае каких-либо дефектов, вызванных ураганом, следует немедленно сообщить об этом в административную часть.

Я в это время нахожусь в номере Дафны. Мы сидим за столом, под большим, выше человеческого роста торшером, и, перебрасывая друг другу листочки, заполненные каракулями, пытаемся найти выход из тупика, в который уперлись

переговоры с арконцами. В принципе с нами должны были бы находиться еще Чак и Ай Динь, но насколько я понимаю, у них происходит сейчас точно такое же приватное собеседование.

Ну и пожалуйста.

Не слишком часто нам с Дафной удается остаться вдвоем.

Жаль только, что голова у меня совсем не работает. Я слишком взвинчен: по пути в номер меня перехватывает Андрон Лавенков и, вытащив на площадку черного хода, где камер наблюдения нет, устраивает нечто вроде истерики. Разумеется, без крика и размахивания руками, но шипящий, как песок за окном, голос Андрона свидетельствует, что внутри себя он кипит.

Беседа протекает у нас крайне сумбурно. Во-первых, Лавенков допытывается, что мне сказал Лорд, и я искренне отвечаю ему, что мы с сэром Генри разговаривали о диетах. Ну и о том, что наша группа, несмотря ни на что, все же проведет очередной раунд переговоров. Это чистая правда, ни капли лжи, но отнюдь не вся правда, как констатировали бы в американском суде. Андрон это сразу же чувствует. Чутье у него, как у голодной лисы. Он взбешен, но понимает, что сделать тут ничего нельзя. Если я не хочу чего-то сказать, то хоть тресни, все равно не скажу. Андрон в этом уже давно убедился. Он берет себя в руки и даже выдавливает, чтобы смягчить обстановку, нечто вроде улыбки. Так мог бы улыбаться пластмассовый манекен. После чего сообщает мне, что главная трудность здесь не в обмороках и не в самуме. Главная трудность здесь заключается в том, что, помимо Юсефа, исчезли еще двое экспертов: Кристофер Раст, аналитик, Соединенные Штаты, и Вальтер Швидке, специалист по информсистемам, Германия. Оба оставили записки, что уходят на Терру.

— На какую еще на Терру? — интересуюсь я.

Андрон смотрит на меня с подозрением. Он не может решить: прикидываюсь я или что?

— Ты тут чем занимаешься? Ты за ситуацией вообще следишь? Террой еще вчера решили назвать этот самый арконский форпост. Так вот, ночью оба они ушли под Купол...

— И защитное поле их пропустило?

— Видимо, да. Представляешь, какая паника сейчас в Комитете?

— Ах так...

Секунду мы оба молчим.

Слышно, как скрежещет песок за окном.

И в этом угнетающем скрежете я вдруг ясно осознаю, что все вокруг изменилось. Причем не тогда, когда в Солнечной системе обнаружился звездолет арконцев, и не тогда, когда их посадочный модуль коснулся Земли, а лишь сейчас, в данный миг. Все изменилось. И, как раньше, как секунду назад, не будет уже никогда.

Это странное ощущение. Будто я, в общем оставаясь собой, переместился в какую-то совершенно иную реальность. Все вроде бы то же самое и одновременно — совсем другое. Вот и Андрон сегодня — совсем другой. Не такой, как вчера, полуразобранный, вдрабадан, несущий маловразумительную ахинею то про арконцев, то про явление Иисуса Христа, а такой, каким я привык его видеть: в костюме, при галстукe, свеженький, аккуратный, причесанный, волосок к волоску, благоухающий приятным одеколоном, и все-таки, все-таки — совершенно другой. Отчуждающий холод наполняет его глаза. Брови чуть вздернуты, образуя вопросительные морщинки на лбу. Мы как будто два разных биологических существа. Насекомое и насекомоядное. Добыча и хищник. Если бы только знать, кто есть кто. Мне хочется его просканировать. Риск все же слишком велик. Да и ни к чему рисковать. Я и так догадываюсь, что он хочет у меня выяснить.

И Андрон говорит:

— Так вот, двое экспертов сегодня эмигрировали на Терру. Думаю, что это только начало. Так вот, скажи: ты не собираешься уйти вслед за ними?..

А с Дафной у нас этим утром ничего толкового не вырисовывается. Уже через час весь ее стол оказывается усеян листочками с головокружными терминами, кривоватыми схемами, графиками, небрежно набросанными картинками. Таков ее способ думать — непременно с карандашом в руках. Я к нему приспособился, поскольку с Дафной особенно

не поспоришь. К тому же я чувствую, что она нервничает не меньше меня. Наконец отбрасывает карандаш и говорит, что никакие подозрения Лавенкова ее не волнуют.

— Можешь быть спокоен, он ни о чем не догадывается. Просто смутное подозрение, что в Центре происходит что-то не то. Но ведь конкретики у него явно нет. А вот Лорд — это да. Лорд — это серьезно. Ты уверен, что он пытался тебя сканировать?

Я еще раз, тщательно подбирая слова, описываю ощущения, которые испытал, когда мой мозг начал окутывать теплый туман.

— Да, похоже — сканировал, — задумчиво говорит Дафна. — Знаешь, нам надо бы научиться ставить защиту.

— Тогда любой сканнер нас точно вычислит, — возражаю я. — Защита будет сверкать, как стекла в солнечный день. Я же тебе об этом рассказывал. А тут... ну что Лорд смог понять из моих мутных эмоций? Кстати, ты очень вовремя бросила свою эсэмэску.

— Увидела, что надо тебя выручать... А Лорд, я думаю, все-таки что-то понял... Не случайно же он обратил внимание на твой английский язык.

— Англо-американский — так он выразился...

— Ладно, не перебивай! Между прочим, у Лорда есть устойчивая привычка — задавать самый важный вопрос в конце разговора. Я это не раз подмечала. Затем, наверное, чтобы застать оппонента врасплох. Но ты ведь и в самом деле стал говорить значительно лучше. Это всем очевидно. Это демонстративный факт. У тебя теперь встречаются такие неожиданные конструкции, которые одной разговорной практикой не объяснишь. Опять же словарный запас вырос раз этак в пять. Идиомы всякие появились. А если вдобавок выяснится, что ты начал понимать итальянский, немецкий...

— Французский чуть-чуть...

— Знаешь, я как раз хотела тебе сказать... Я вчера сидела в номере у Ай Динь, и кто-то ей позвонил. Разговаривали они, разумеется, по-китайски, но я неожиданно стала догадываться, о чем идет речь. Не понимать, а вот именно что догадываться, немного улавливать смысл. Вот тебе

тоже — демонстративный факт... Сколько мы еще сможем держать это в тайне? Сколько мы еще сможем скрывать, что перестаем быть людьми? Или — что мы становимся какими-то другими людьми, биологически отличающимися от стандартной конфигурации хомо сапиенс? Рано или поздно, но нас непременно разоблачат. Да хоть сегодня промелькнет у кого-нибудь в голове такая мысль.

— Не надо драматизировать, — подумав, говорю я. — В конце концов данный феномен можно объяснить и коллективным инсайтом. Мы же тут все слегка сдвинутые: естественно, что у нас возникает психологический резонанс — мы как бы «накачиваем» друг друга сходными когнитивными состояниями. Что-то вроде сектантских радений, когда адепты после долгих и горячих молитв, вдруг начинают воочию видеть бога. Экзальтация затем прогорает, но ощущение... ощущение трансцензуса остается.

— Это несерьезно, — академическим тоном произносит Дафна. — Ты что, не знаешь людей, которые составляют наш Комитет? Ты на лица их посмотри. Расскажи им про экзальтацию, про трансцензус, про психологический резонанс... Можешь еще попробовать через метод «глубинного погружения» объяснить... Уверяю тебя, все это тут же будет квалифицировано как зомбирование. Мы в их глазах немедленно превратимся в инопланетных агентов, в кукол, запрограммированных арконцами против людей. Какой в этом случае будет наша судьба?

Голос у нее лекторский, монотонный, но мне за размеренными интонациями почему-то чудится крик.

— Ладно, давай работать...

Дафна, не глядя, тянется за карандашом. Пальцы не достают, она нетерпеливо барабанит ими, пытаясь его нащупать, и я вдруг вижу, как карандаш, будто притянутый магнитным полем, сам подползает к ней.

— Стой!

Она замирает.

— Дай-ка сюда!

Дафна, удивленная моим тоном, широко распахивает глаза, но беспрекословно отдает карандаш.

Я кладу его на прежнее место.

— Возьми еще раз!.. Нет-нет, не изгибайся, пожалуйста, не гляди на него!

— Мне не достать... Слишком далеко положил...

— Ты просто представь, что берешь... Закрой глаза!..

Дафна послушно зажмуривается.

И я вновь вижу, как карандаш подползает к кончикам ее пальцев, которые скребут по столу.

— Теперь — повторим!

В этот раз я снимаю все действие на телефон, а затем, перегнав ролик в компьютер, мы вместе, уже на экране, просматриваем его.

И вот тут Дафна пугается по-настоящему.

— О-о-о!.. — обхватив горло ладонями, стонет она. Словно плачет в саванне птица, оставшаяся в ночном одиночестве. — Я знала это... Я это знала... Я чувствовала... — Она вся дрожит. На щеках ее проступают пепельные, светлые пятна. — Что нам делать, Илья?.. Мы будем теперь как монстры... как мутанты среди нормальных людей... Ты понимаешь, Илья?.. Мы теперь просто обречены...

Я успокаиваю ее тем древним способом, который известен человечеству уже несколько тысяч лет. Это не столько любовь, сколько шаманский обряд, волхвовство, магическое ритуальное действие, вырастающее из стремления жизни победить неотвратимую смерть. Ревет за стенами гостиницы жаркий ветер, шуршит и постукивает по ставням раскаленный песок, подрагивает широкий плафон торшера, а мы сквозь это неистовство и напор плывем в совершенно иную реальность, манящую спасением ото всего. До этой реальности, разумеется, не доплыть, но пока к ней плывешь, она действительно существует. Это уже не иллюзия, это конкретная данность, свет маяка, возвещающий, что за горизонтом — земля. Ритмика однообразных движений способствует релаксации. Затем Дафна по обыкновению несколько минут дремлет, а я лежу в щитовой скорлупе номера и под завывания урагана думаю, что она права. Мы с ней другие. И ничего странного в этом нет. Что до меня, то я, в сущности, всегда был другим. По крайней мере, так я себя ощущал. Как будто родился среди

не тех людей, не в той стране, не в ту эпоху, не на той планете. И культурология, которой я занимаюсь, тоже свидетельствует об этом. Ведь что такое культурология? Это отстраненное изучение жизни, текущей мимо тебя. Превращение всех ее проявлений в символы, которыми можно оперировать безболезненно и легко. И между прочим, Дафна обмолвилась как-то, что тоже всегда ощущала себя другой. Поэтому мы с ней и стали так быстро близки. Сработал известный «психосоматический таксис»: на эту тему смотри монографию Микеле Сфортини и Кэтрин Армстронг. А вообще такие «другие», видимо, время от времени на Земле возникают. И вовсе не арконцы с какими-то зловещими целями их создают, арконцы только способствуют их проявлению, сами не подозревая о том. Ведь спонтанная, «земная» инаковость — это нечто вроде слабенькой искры, попавшей на сырые опилки. Она быстро гаснет, удушаемая потоком обыденности. Разжечь ее удается лишь гениям, сгорающим потом на этом костре. А я не гений, уж в этом можно не сомневаться. Дафна меня явно переоценивает. Кстати, что-то долго она дремлет сегодня. Я поворачиваю к ней голову, и в это время Дафна открывает глаза и ясным голосом, будто продолжая дискуссию, говорит:

— Лорд нас не выдаст. Потому что если он выдаст нас, он тем самым выдаст себя. А Лорд этого не захочет. — Она смотрит вверх, в потолок и продолжает, словно читая на нем невидимый текст: — Но, знаешь, я обязана поставить тебя в известность: сегодня ночью я вошла на сайт «Терры» и зарегистрировалась там на отъезд... Визу, то есть согласие меня принять, получила через десять минут.

Я не сразу понимаю, что она имеет в виду.

А когда понимаю, то приподнимаюсь на напряженных локтях.

— С ума сошла!

Мне кажется, что я проваливаюсь в пустоту.

— Нет, ты сначала послушай, — говорит Дафна. — Здесь, на Земле, нас все равно вычислят — это вопрос месяцев, недель, может быть, даже дней. Я сегодня прокололась на телекинезе, а на чем — совершенно случайно, конечно — проколешь-ся ты? И главное — что за этим последует? Объясняю: за этим

последует то, что нас обоих посадят в какой-нибудь там ви-вариум, в спецлабораторию, в изолированный медицинский центр со всякого рода принудительными исследованиями. Будут мучить, как ежей, помнишь, ты недавно рассказывал: был у вас в школе странный такой «живой уголок». И объяснять это будут исключительно заботой о безопасности человечества... — Она делает паузу примерно на пять секунд. Проводит розовым языком по губам. — Но дело даже не в этом... Я говорила тебе, сколько осталось от народа икомо?

— Да, примерно сто пятьдесят человек.

— А ведь нас было более двадцати тысяч... Всех убили, теперь сто пятьдесят человек живут микроскопическими общинами в странах, которым они не нужны. Дети языка икомо уже почти не знают. А дети этих детей вероятно, даже не вспомнят, что был когда-то такой народ.

— При чем здесь Терра?

— На Терре я выйду замуж и рожу десять детей. И прослежу, чтобы все они знали родной язык. И дети моих детей тоже будут разговаривать на языке икомо. И тоже будут иметь по десять детей. Можешь считать меня ненормальной, но в наших мифах существует одно пророчество, восходящее к эпохе космогонического первобытия: явится в конце лет земных великий дух Чамба Иком и уведет своих детей на небо, дорогой сияющих звезд. И обретут они там хлеб, воду и мир. И будут жить счастливо во веки веков.

— Аминь, — добавляю я и падаю обратно — в постель.

Скрежет за окном вроде бы становится глуше.

Дафна между тем говорит:

— Мне вообще кажется, что наши дни уже сочтены. Время Земли исчерпано, это — печальный закат. Посмотри, что вокруг происходит: мы, будто одержимые первобытным неистовством, уничтожаем сами себя. Много ли еще нам осталось?.. Когда окончательно сдадут нервы?.. Когда кто-то решит обрушить огненный смерч на вражеские города?.. Когда полетят баллистические ракеты?.. Когда прорастут над мировыми столицами ядерные грибы?.. — Она поворачивается ко мне. — Ну что ты молчишь?

А что мне ответить?

Я просто не знаю, что тут можно сказать.

Я знаю одно: если Дафна что-то решила, ее так просто не переубедишь.

Тут надо выбрать подходящий момент. Вот что я знаю.

И вместе с тем я не знаю другого. Я не знаю, что подходящий момент не наступит для нас никогда. Все уже решено. Вертолеты в закрытых ангарах готовятся к вылету. Через два часа они поднимутся в воздух, а еще через час нанесут удар по нашему Центру.

Вот чего я не знаю.

И еще я не знаю, и даже не догадываюсь об этом, что вижу сегодня Дафну в последний раз.

Часть 2 ИЗ ГЛУБИНЫ

5

Все с чего-нибудь начинается. Черная грозовая туча вырастает из невесомого облачка. Могучее дерево — из семечка размером с ноготь мизинца. Ефим был чокнутым, об этом в городе знали все. У него и фамилия была соответствующая — Чокин. Так что за школьной кличкой дело не стало. А чокнутым Ефим прослыл потому, что еще в детстве полностью и окончательно помешался на звездах. Однажды, будучи с ребятами на ночной рыбалке, ему только-только исполнилось четырнадцать лет, он по известному делу отошел от костра и вдруг, когда ночь сомкнулась вокруг темной водой, как подкошенный повалился в траву, доходящую до колен. Никогда он еще не испытывал такого странного ощущения. Небо распахнулось над ним во всем своем ошеломляющем великолепии: бездонная глубина космоса, мерцающие, переливчатые брызги серебряных звезд. Сердце словно омыл теплый нектар. Кто он такой?.. Что он делает здесь?.. Зачем, зачем это все?..

Словами увиденного было не выразить. Да и не было в его языке слов, которые могли бы охватить этот простор. Другие в таком состоянии чувствуют бога. Ефим вострепнувшимся сердцем почувствовал взыскующий зов Вселенной.

Домой он вернулся совсем иным человеком. В ближайший год он перечитал все книги о космосе, которые только имелись в местной библиотеке. Он узнал, почему небо выглядит голубым: короткие волны, синие и фиолетовые, рассеиваются в атмосфере и потому их можно увидеть. Он выяснил, почему звезды мерцают: турбулентность, взвихрения воздуха, искажают лучи света, направленные от них к нам. Он понял, почему Луна предстает то как металлический рубль, то как истаявший, льдистый серп: ее с неуклонной периодичностью заслоняет от Солнца громада Земли.

Однако гораздо больше его поражало другое. В одной только нашей Галактике, оказывается, четыреста миллиардов звезд. Четыреста миллиардов! Невозможно вообразить! Свет по Млечному Пути летит от края до края сто тысяч лет! А Солнечная система находится в одном из спиральных боковых рукавов, в галактическом захолустье: тусклое пятнышко в море безбрежной тьмы.

Напрашивалось сопоставление с родным городом. Бельск был известен в летописях еще со времен Золотой Орды, но все восемь веков так и пребывал тлеющей искрой в необозримом российском раздолье: кривые улицы, чернеющие грязью после дождя, деревянно-каменные дома, частично вросшие в землю, унылый ров на главной площади, который для чего-то когда-то выкопали, да так и забыли зарыть, каждое лето он порастал гигантскими лопухами. На одной окраине — спиртовой заводик, распространяющий на весь город крепкий водочный дух, на другой — цеха глиноземного комбината, почти скрытые кучами выработанного сырья, от него тоже на половину города разлеталась грязновато-желтая пыль. Около тридцати тысяч человек населения: кто сумел, тот пристроился на спиртзаводике, всем доволен, чего еще можно желать? Кто не сумел, тот — горбатился на комбинате, проклиная себя и нескладную жизнь. Остальные в основном копались на огородах. Текли дни, месяцы, годы, столетия — ни морщинки не появлялось на глади времен.

Единственное, чем Бельск выделялся в россыпи таких же оцепенелых российских селений, — это чистое небо, почти

никогда не затянутое облачной пеленой. Какая-то, объясняли метеорологи, уникальная природная аномалия. То ли геопатогенный разлом, то ли что-то еще. В начале восьмидесятых годов здесь даже начали было строить обсерваторию на одном из холмов, но грянула перестройка, затем — кавардак реформ, стране стало не до звездных пространств, теперь между заброшенными корпусами бродили козы да с жестяным шорохом колыхались те же гигантские лопухи, шершавые от жары.

Реформы, правда, поколебали сонную зыбь. Новый мэр, он же директор глиноземного комбината, пообещал бельчанам быструю модернизацию, демократию и необыкновенный расцвет, после чего оборудование с комбината куда-то вывезли, сам комбинат закрылся, а мэр начал возводить себе замок — с башенками, с гнутыми фонарями, с коваными воротами, опять-таки на холме — но закончить его не успел: застрелили в собственном кабинете. Следующим мэром избрали директора спиртзавода. Тем не менее когда Ефим вернулся из армии, Бельск все-таки уже был другим. Исчезли вымахавшие, как поганки, ларьки, вместо них появились вполне доброкачественные стеклянные павильоны. Открылись два супермаркета, полтора десятка кафе, избы на беленых фундаментах начали вытесняться домами из серого или кровавого кирпича. Заасфальтировали даже главную площадь, лопухи на ней более не росли — разбили пышный цветник.

И все же внутри себя жизнь практически не изменилась. Она как бы сделала робкий шаг вперед, но вдруг опомнилась и снова застыла в привычной обыденной летаргии. Ни на расширившийся спиртзаводик, ни на комбинат, который неожиданно ожил, Ефим идти не хотел и, поразмыслив немного, вместе с парой армейских друзей создал бригаду «Домашний ремонт». А что? Руки откуда надо растут. Голова на плечах тоже вроде бы есть. И ведь угадал, угадал, как номер на лотерейном билете. Под золотым дождем нефтедолларов, заморосившим в те времена над страной, у бельчан тоже начали появляться кое-какие деньги. А вместе с ними образовался и гонор: зачем самому копать в ржавчине и грязи, если можно вызвать бригаду и недорого заплатить. Зачем вообще погружаться в трясину бытовых мелочей. И вот, одному